

крышу или достроить сени, но ни в коем случае не менять основы, не переносить дом на новое место» (7, С. 297).

Значимым фактом можно считать то, что автор при составлении словаря учитывал языковые особенности широкого круга носителей русского языка: люди из разных уголков России, писатели прошлого, настоящего, но самое главное, что автором взяты во внимание языковые элементы «не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» (2, С. 35).

В сознании писателя слова представляли как сгустки «энергии», что позволяло автору словаря охватить слово в его многозначности, раскрыть как можно сильнее его лексический потенциал. При этом слова, вошедшие в издание, брались автором не только из живой, звучащей речи русского народа, но и из письменных источников, художественно фиксирующих ее. Так, в «Русском словаре языкового расширения» Солженицына мы встречаем лексику из произведений А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, С. Лескова, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, И. Шмелева, С. Есенина, Е. Замятина, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, А. Толстого. Однако не стоит думать, что задача Солженицына состояла лишь в фиксации и возвращении забытых или потерянных русских слов, в восстановлении их в правах – это слишком узкое понимание писательской установки. Эти слова должны были стать некими «мостками» в творческую лабораторию художника.

На сегодняшний день проникнуть в мастерскую Солженицына не составляет особого труда. Изданные в России многотиражные собрания сочинений Александра Исаевича, его мемуарные, критические, эпистолярные работы помогают в этом. Раскрыть же механизм работы Солженицына со словом писателей России XIX-XX вв., попавшим в «Русский словарь